

the 1990s, the number of people who have been employed in the public sector has increased by 1.5 million.

It is also worth noting that the public sector has become an increasingly important part of the economy. In 1990, the public sector accounted for 15.5% of the economy, but by 1999, it had grown to 20.5%.

There are a number of reasons why the public sector has grown so rapidly. One reason is that the government has been able to raise more revenue through taxation. Another reason is that the government has been able to spend more on social services.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

There are also a number of reasons why the public sector has become more important. One reason is that the government has been able to provide more services to its citizens. Another reason is that the government has been able to provide more services to its citizens.

ПРЕДАНИЯ
СТАРИНЫ
ГЛУБОКОЙ

Администрация Выксунского района дарит своим землякам замечательный подарок – серию статей об истории приокского края, о людях, ковавших славу городу металлургов. Сегодня, решая насущные социально-бытовые и экономические проблемы, важно не забывать, что именно в глубине веков таятся истоки трудолюбия и мощного потенциала жителей города мастеров. Авторы и создатели данного сборника сумели донести до читателей чувство глубокого уважения к истории, традициям Выксы, людям, живущим в этом замечательном городе.

Губернатор Нижегородской области
В. П. Шанцев

ПРИОКСКАЯ
ГЛУБИНА

Выкса 2007

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 82(059)

П-76

Приокская глубинка № 3 (3) • 2007

В третий номер альманаха вошли материалы главного выксунского краеведа Льва Васильевича Шестерова.

Все статьи, представленные в сборнике, написаны в годы творческого подъема, когда он, уже имевший опыт краеведческой работы, не только констатирует исторические события, но и анализирует их, сопоставляет и защищает свою точку зрения в спорных вопросах, которых в среде краеведов разных поколений всегда было достаточно.

Г. Никулина

© Л. В. Шестеров

© Администрация Выксунского района Нижегородской области

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Рассматривая историю выксунской земли, с сожалением приходится констатировать, что период, от которого до нас дошли письменные свидетельства и документы, простирается в глубины прошлого только на двести с небольшим лет, хотя известно, что люди живут в Приочье уже несколько тысячелетий. Эти давно протекшие века жизни наших далеких предков изучаются археологами по материальным остаткам, вскрытым во время раскопок древних поселений, стоянок и могильников. Так, например, недавно открыт на реке Оке и изучается «Решенский» могильник, которому, по подсчету ученых, около 3400 лет.

Косвенным источником познания далекой старины служат народные легенды и предания, передаваемые устно из поколения в поколение. Наша местная выксунская история тоже имеет свои легенды, уходящие корнями в XVI век, годы царствования завоевателя Казанского ханства Ивана Грозного. В этих легендах главным действующим лицом выступает верный друг царя – татарин Ризадей. Именно ему, согласно преданиям, принадлежали когда-то леса и земли, на которых, спустя два столетия после описываемых легендами событий возникла Выкса и Выксунские заводы.

За какие же заслуги перед грозным царем получил обширные русские земли и леса во владение незнатный татарин Ризадей? Предания выдвигают по этому поводу две легендарные версии. Согласно первой, он заслужил их как главный проводник царского войска через дремучие и труднопроходимые Муромские леса на Казань.

Вот как излагает эту легенду выксунский краевед Н.П. Голованов в своей «Стихотворной истории Выксы».

В то время как еще слыла
Богатой густыми лесами,
По ней царь Грозный проходил
На татаров в Казань с войсками,

Вблизи Велетьмы он дневал,
Для войск раскинул лагерь там,
А сам палаткой занимал,
То место, где белеет храм.

Верст на сто здесь никто не жил,
Лес был неведом для людей.
Однако весть войск найден был
Некто татарин Ризадей.

Он проводник отважный был,
Для войск надежный путь нашел,
Царю тем честью сослужил,
Благополучно их провел.

Царь Ризадея не забыл,
Признал то за служебный пост,
Его он лесом наградил
В окружности на двести верст.

Записи других краеведов данной легенды отличаются только тем, что они в товарищи к Ризадею присовокупляют еще трех братьев-проводников: Ардатку, Кужендея и Тетершу.

Знакомство с отечественной историей этого периода позволяет сделать вывод, что в основе приведенной легенды о славном проводнике Ризадее и его товарищах лежит исторический факт — поход царя Ивана Грозного на Казань летом 1552 г.

Известно, что третья часть стопятидесятитысячного войска во главе с царем следовала на Казань через Владимир и Муром. Далее царь с войском переправился через

Оку и пересек всю полесную часть Нижегородской губернии, сделав при этом девять «станов» — остановок.

Сопоставление записей царского летописца о походе и сведений, сообщаемых легендой, позволяет сделать некоторые выводы об их истинности.

Во-первых, первая стоянка за Муромом указана одна и та же летописцем и легендой. Это речка Велетьма.

«И того дни ночевал государь на лесу на реке Велетьме от города пол-30 верст» (*т. е. 25 верст. — Л. Ш.*)

Во-вторых, летописец сообщает важный факт о наличии в войске проводников-крестьян — «посошных людей». Они шли перед войском, чинили и выравнивали дороги, порою прорубали в лесах новые. Через речки и топкие болота настилали мосты и гати — «на речках и ржавцах мосты мостили». И хотя летописец не сообщает имен проводников, простых «посошных людей», народ запомнил и бережно сохранял в своей памяти имена: Ризадея, Ардатки, Тоторши.

Земли же, пожалованные царем Ризадею «в окружности на двести верст», в действительности оказались тоже не совсем легендарным преувеличением. Об этом повествуют подлинные документы, относящиеся ко времени основания Выксунского завода. Когда братья Баташевы в середине XVIII века отыскивали рудные месторождения в выксунской земле, они были вынуждены арендовать обширные леса и земли по речкам Выксуну, Железнице и Велетьме у ново-крещеной мордвы дворцового ведомства сел Кужендей, То-

Верхне-Выксунский пруд

торшева и других. Жители этих сел считали данные земли своими наследственно-пожалованными еще Иваном Грозным за участие их пращуров в походе на Казань.

Позже братья Баташевы выяснили, что эти земли считаются «государственными, впусте лежащими». Аренда была прервана, а леса, земли и рудники приписаны к выксунским заводам. По-видимому, царское пожалование было только на словах и не было оформлено юридически жалованной грамотой.

Такова первая легендарная версия о награждении землями Ризадея и ее реальная историческая канва.

Вторая версия связана с именем только одного Ризадея. На этот раз он отличился выполнением особо доверительного поручения царя.

Как говорит легенда, Ризадей сопровождал какую-то опальную царицу, по личному приказу царя, в монастырь. Известно, что во времена Грозного недостатка в опальных царицах не было, так как царь женился семь раз. Личность царицы в легенде раздваивается. По одним записям легенды — это Анна Васильевна, по другим — Мария Нагая. Монастырей указывается тоже два. Один в Суздале, а другой лесной, якобы располагавшийся в районе современного поселка Виля на поляне, и поныне именуемой «Царицыным полем» или лугом. Н. П. Голованов так излагает эту часть легенды о луге.

Легендное о нем сказанье
С древних держится времен.
Когда-то было на нем зданье
С царицей, заточенной в нем.

Что было местом заточенья,
О том нигде не подтверждено.
А что было зданье, без «сомненья»,
Есть доказательство одно.

Из ближних жителей пришлось
Случайно там земли порыть.
В ней много кирпича,
Зачем и кто там мог зарыть?

И вот Ризадей, согласно легенде, выполнил шекотливое поручение царя и довез разжалованную царицу до монастыря. Безутешно рыдала заточенная в монастырь царица, горько оплакивая свою злую долю. А по народному понятию — просто выла. Отсюда краеведы и выводят происхождение название поселка Виля. Заслуга же Ризадея не осталась без щедрой царской награды обширными землями и лесами.

В отличие от исторически достоверной и обоснованной первой легенды пока все известные до сих пор факты прошлого не подкрепляют реальность второй легенды. Кирпичи, якобы отрытые на Царицыном поле, тоже ничего не доказывают.

Вероятнее всего, что она возникла не в XVI веке, а гораздо позже и связана с отождествлением старого монастыря в одноименном с Выксой селе Выксино Новгородской губернии, в котором действительно была заточена бывшая жена царя Мария Нагая, с легендарным монастырем на «Царицыном поле». Несомненно, что дополнительным основанием к этому послужило действительное существование в выксунских лесах глухого, лесного монастыря, возникшего еще в добаташевское время. Но он располагался по речке Велетьме чуть выше (по течению) современного поселка Велетьма, а не за Вилей. Таковы народные предания и их исторические предпосылки.

К сожалению, неизвестно, кто, где, когда и от кого первый записал эти народные сказания. Во всяком случае они фигурируют почти во всех воспоминаниях выксунских краеведов прошлого: А. Ф. Зыкина, В. П. Порхачева, Н. П. Соколова, Н. П. Голованова и др. Вероятнее всего, эти первые выксунские краеведы и любители старины были и первыми их летописцами.

Ну, а Ризадей? Реальное это историческое лицо или плод народной фантазии? Разберем некоторые косвенные факты, свидетельствующие как за, так и против царского слуги. Главным доказательством в пользу существования живого прообраза упомянутых легенд служит название села Ризадеevo Ардатовского района, а также других сел и поселков, названных именами его сотоварищей — Ардатово, Кужендеево, Тоторшево.

Известно, что в прошлом большинство своих названий сельские населенные пункты получали от имени первопоселенца, срубившего на новых землях избу и расчистившего лес под пашню. Так образовывался починок. Впоследствии починок разрастался и в память первого поселенца назывался его именем. Все такие названия говорят о принадлежности населенного пункта определенному лицу и отвечают на вопрос, чей или чье. Например, чье село? Ризадеево, Кужендеево и т.д. Да и сами жители названных сел, как уже отмечалось в статье, считали себя потомками легендарных проводников. Кроме названия села, имя Ризадея носит лес восточнее Выксы, хотя свое название Ризадеевский он получил, верно, уже после записи упомянутых краеведами легенд.

Во всяком случае во время межевания выксунских лесов в 1778 году название Ризадеевский лес или Ризадеевская дача в планах не фигурирует. В то же время имя Ризадей (возможно, в силу его нерусского происхождения) не упоминается ни в арзамасских поместных актах, ни в собрании древнерусских имен и прозвищ, ни в других исторических источниках.

И хотя пока нельзя вынести окончательного суждения о реальности бывшего владельца выксунских земель и лесов Ризадея, легенды с его участием прочно вошли в историческое повествование о начале выксунской земли и придали ему занимательность, широту и романтическую окраску.

НЕВИДИМЫЕ ПАМЯТНИКИ

Среди памятников истории, оставленной нам в наследство прошедшими поколениями, есть малозаметные, но в то же время живущие столетия в нашем языке памятники-названия. Эти памятники исторического прошлого нельзя увидеть и потрогать руками, но они так же, как и рукописные документы истории, несут на себе историческую информацию, уходящую порой в глубь веков.

Также живущие в памяти народа словесные памятники носят название топонимов, а наука, изучающая и толкующая топонимы, — топонимикой (от греческого тоπος — место, местность и онома — имя, т.е. имя, название местности). Топонимами являются названия рек, ручьев, озер, гор, лесов, полей, болот, лугов, городов, сел, деревень и всех характерных природных особенностей.

«Ни в чем не выражается до такой степени ярко народный склад ума, симпатии и антипатии народа, его вкуса, его память о славном прошлом, его любовь к природе и далее почтение к божеству, как в географических (*топонимических*. — Л.Ш.) названиях. Попробуйте изучить географические названия в пределах хотя бы одной только деревенской общины (все равно, русской или инородческой), и вы найдете целую неписаную историю общины.

Деревенский обыватель окрестил все мелкие углы и закоулки общинной территории своими мелкими названиями».

Так писал в 1910 г. о топонимах один из первых исследователей названий С. Н. Кузнецов в книге «Русская исто-

рическая география». Топонимы бесценны для науки, они помогают установить историческую истину там, где не осталось никаких других материальных следов исчезнувших имен и народов. Так, например, в нижнем течении Оки, в границах и нашего района, проживало когда-то мордовское племя мурома. А сегодня только название города — Муром напоминает нам об сошедшем с исторического горизонта народе. Таких примеров можно привести множество. Топонимы помогают историкам восстановить и доле-тописную историю народов, проследить по названиям рек, озер, гор, лесов районы размещения и пути их миграции, т. е. кочевий. Но есть топонимы, которые выполняют более скромную роль, объясняя историю создания отдельно села, деревни, города.

В старину в большинстве сел и городов, даже крупных, не существовало названий улиц и нумерации домов. Адрес нужного дома находили по характерному месту его расположения, отмеченному, как правило, топонимом, и по хозяину дома. Так, например, «адрес» дворца Баташевых-Шепелевых в Москве раньше писался так: «За Яузским мостом на Вшивой горке». То есть здесь мы видим типичный топоним — «Вшивая горка».

Торгово-промышленное село Выкса тоже имело свои адресные исторические приметы, сохранившиеся в нашем языке до сих пор.

Ряд выксунских городских топонимов не нуждается в объяснении: Монастырь, Нижний завод, Антоповка и др. Первоначальный же смысл и значение других топонимов забылось, и они нуждаются в толковании. Не каждый выксунец сегодня объяснит, откуда появились такие характерные названия отдельных районов города, как Булатня, Голявка, Горка, Межонка, Старая Колония и другие.

Казалось бы, сегодня, когда в городе более сотни названий улиц и переулков, эти топонимы отжили свой век и должны отойти в область предания. Однако этого не происходит, так как они удобны и позволяют выксунцам быстро сориентироваться относительно района проживания необходимого им адресата. Потребность и привычка к таким районным городским названиям осталась и в наше время. После революции в городе появились новые топонимы, от-

ражающие районы новостроек: Щитки, Стахановские дома, Самстрой. Рождаются городские топонимы и сегодня. Ряд выксунских топонимов, уже в основном исчезнувших из употребления, объяснялся в нашей местной печати: Гусарское поле, Фабрика. Но большинство других топонимов еще не толковалось. Так как со дня упомянутых публикаций прошло много лет и за это время население Выксы существенно изменилось, мы сочли не лишним растолковать все основные топонимы Выксы, как «живые», так и «мертвые», расположив их в алфавитном порядке.

БУЛАТНЯ. Такое название носит слободка около Нижнего завода. Этот топоним живет в языке еще и сегодня, но завтра он перейдет из области «живых» топонимов в «мертвые». «Булатня» отжила свой век и сносится. Ее территорию скоро займет расширяющийся Выксунский металлургический завод. Откуда в мирной Выксе появилось такое «оружейное» название? Есть две версии, объясняющие происхождение топонима. Первую изложил в своих «Записках к истории Выксунских заводов» краевед А. Ф. Зыкин.

Для уничтожения разбойников Баташевым приказано было собрать облаву, не отнимая много мужчин от заводских работ, назначить женщин и девиц, которые должны были надеть кафтаны и шапки. Когда были окружены разбойники, то они бросились бежать, но некоторая часть их была поймана и приведена в Выксу. Им было объявлено: кто желает честно жить, тот должен остаться при заводах и работать на них, а нежелающие все будут переданы в руки правительства, наказаны плетью и сосланы в Сибирь на каторжные работы. Пожелавшие остаться при заводах были поселены в особую слободку, которую местные жители назвали «Булатней».

Под словом «булат» в то время понимали не только специальный сорт высококачественной стали, но и непосредственно изготовленное из него холодное оружие, которым были вооружены разбойники.

Вторую версию приводит в своих записях В. П. Порхачев, он пишет:

«Так, мастеровые с Тульских заводов, изготовлявшие из булатной стали оружие, были в Выксе поселены в специальной слободке, называемой «Булатней».

Какое же из объяснений наиболее правильно? Разбойникам или мастеровым-оружейникам обязана «Булатня» своим именем? За неимением дополнительных данных этот вопрос пока остается открытым. Можно привести еще только несколько косвенных соображений. На Нижнем заводе никогда не изготавливали сталь и, естественно, булат. Здесь в основном перековывали чугун в железо.

Хотя известно, что вообще «булат, или подражание дамаскинской стали, делался на заводах г. Баташева с успехом». Возможно, ее производили на среднем заводе, где была стальная фабрика, поставлявшая сталь для серпов и кос. Скорее же всего, его делали на Велетьминском заводе, но в небольшом количестве.

Разбойничий вариант тоже не имеет документальных подкреплений, но характерно, что жители «Булатни» всегда отличались перед другими мастеровыми Выксы повышенной задиристостью и драчливостью, что, возможно, и идет от их разбойничьих, лихих предков.

ГОЛЯВКА. Зарождение этого топонима не зафиксировано ни в каких документах. Его корень «голь» ясен своим беспощадным смыслом. Словарь «Живого великорусского языка» В. Даля определяет его как нищета, бедность и самые бедняки. Ходячее русское выражение «голь перекатная» означало крайнюю степень обнищания. Появилась Голявка в конце XIX в., когда в Выксе стали появляться в большом количестве новые жители. Чаще всего это были уходившие из деревень на заработки безземельные, малоземельные и безлошадные крестьяне-бедняки. Те из них, кто пришел из дальних деревень, вынуждены были ютиться в жалких подобиях домов — «балаганах». Эти временные жилища описал член Горного ученого комитета врач Л. Бертенсон в 1895 году:

«Рабочие (*т. е.* крестьяне-пришельцы. — Л. Ш.)... при отдаленности деревень живут в самодельных домах, как, например, на Выксунском заводе, где в зимнее время они устраивают так называемые «балаганы». «Балаган», или полуземлянка, представляет собою вырытое в земле на аршин углубление, над которым находится бревенчатый сруб и крыша, покрытая дерном. Окна устраивают редко, *т. е.* просто отверстия, задвигаемые дощечками». Название

слободе, образованной из подобного рода «балаганов», расположившейся на южной окраине Выксы, местные жители дали снисходительно-унизительное — Голявка, так как даже выксунский потомственный мастеровой, зачастую сам полуголодный, чувствовал себя почти баринком по сравнению с жителями «балаганов», которые не имели ни квалификации, ни имущества, ни приемлемого для жизни жилья. Прошли годы, исчезли «балаганы», но название нищенской слободы уже без унизительной окраски живет в языке выксунцев.

ГОРКА. Так ласково называется и поныне небольшой холм, застроенный в наши дни зданием Госбанка и овощными складами. Раньше, когда здесь не было никаких строений, он служил основным местом зимних веселых утех и забав выксунским жителям. Как писал Н. П. Голованов:

Катаньем ровно
наслаждались
С рабочего до самых бар,
Все одновременно катались.
Причем хор музыки играл.
Тогда как будто поощряли
Катанье с гор такого рода.
И каждый год заготовляли
Лубянки-санки в счет завода.

Лучшего места для катания в Выксе было не сыскать. Разогнавшиеся с горы и достигшие ее основания санки, Лубянки и ледянки беспрепятственно продолжали стремительно нестись со своими радостными седоками дальше по гладкой, ровной ледяной поверхности замерзшего Среднего пруда. Надо ли говорить, что в те времена массовое катание с гор было самым доступным и любимым времяпрепровождением и веселой забавой не только детей, но и взрослых. Об этом нам и напоминает сегодня уменьшительно-ласкательный топоним Горка, под которым ныне понимается весь этот жилой район.

ГУСАРСКОЕ ПОЛЕ. Почти забытый топоним. Раньше жители Выксы так называли обширную, поросшую травой лужайку, расположенную вдоль парка со стороны базара.

Название «Гусарское поле» связано с редким для выксунской глухомани посещением села эскадронem (около 150 чел.) гусар. Откуда и почему появились в Выксе гусары?

Из истории известно, что внучка И. Р. Баташева Дарья Ивановна была замужем за генерал-майором Д. Д. Шепелевым. Д. Д. Шепелев в 1807 году только что получил это высокое звание, являясь шефом, как тогда называли, или командиром, Гродненского гусарского полка. В качестве свадебного эскорта он и привел с собой в Выксу своих однополчан.

Гусары — это легкоконные войска, выполнявшие в то время чаще всего разведывательную функцию. За гусарами летела слава забубенных головушек не только в пирах и попойках, но и в сражениях. В мирное время они слыли неотразимыми совратителями женских сердец. Этому немало способствовала гусарская форма — самая красивая и впечатляющая из всех родов русского войска.

И действительно, трудно было отвести глаза от расшитых золотыми, серебряными и шелковыми шнурками и усеянных пуговицами доломанов и небрежно висящих на левом плече ментиков, шегольских сапог со шпорами. Тот, кто видел фильм «Гусарская баллада», имеет об этом полное представление. А. Ф. Зыкин так пишет об этом редком событии: «Когда стало известно, что генерал приведет своих гусар, то в праздничный день прихода их собралось много народа с заводов и окрестных деревень посмотреть на невиданное никогда гусарское войско, которое вступило в Выксу в парадной форме с музыкой и песнями».

К этому событию можно применить стихи неизвестного мне поэта.

Гусарское поле. Фото конца XIX — начала XX веков

На солнце оружием сверкая,
Под звуки лихих трубачей
По улице пыль поднимая
Входил эскадрон гусар-
усачей.

И долго при свете лампад
Во мраке осенних ночей
Молодежь все вспоминает
Про звуки лихих трубачей.
Через год возвращаясь
обратно
Через ту же деревню опять
Встречали гусар, конечно,
Целый полк молодых
гусарей.

Такое зрелище, естественно, поразило жителей Выксы и надолго врезалось в их память как одно из ярких событий в их бедной событиями, однообразной, провинциальной, замкнутой жизни. Поэтому долгое время спустя выксунцы все еще называли место лагеря гусар — «Гусарское поле».

МЕЖОНКА. Так называют жители Выксы несколько отстоящее от города по Навашинскому шоссе селение да и весь этот северный район. На первый взгляд, ничего непонятного в названии нет. Была какая-то межа, в смысле граница, отсюда и название — Межонка. Однако знакомство со старыми документами и свидетельствами позволяет выяснить первоначальное название этого выселка и его происхождение.

Первое упоминание о нем мы находим в описании П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Побывавший здесь в августе 1768 г. исследователь пишет:

«Холмистое место, в котором ныне добывают железную руду вблизи речки Вежонки... при оном месте построены жилые связи для надзирателя и работных людей!»

В документах тех лет упоминаются тоже «вежонская рудная контора» и «рудокопная слободка «Вежонка». Итак, мы выяснили, что первоначальное название нынешней «Межонки» было «Вежонка», которое произошло

от названия небольшой, сегодня окончательно исчезнувшей речушки Вежонки.

Слово «вежа» в русском языке очень многозначно. Вежей называли башню, каланчу, шатер, полевой шалаш, балаган, сторожку. Употреблялось слово «вежа» в Новгородской губернии в смысле межа, грань, рубеж. По-видимому, последнее значение наиболее нам подходит. Когда-то примерно в этом районе проходила граница между Владимирской и Нижегородской губерниями. Отсюда и название пограничной речки Вежонка. Название речки, перешедшее на выселок, потом в языке трансформировалось в более понятное русскому уху слово Межонка. Кроме рудокопов, в ней жили огородники, работавшие на расположенном здесь господском огороде, а позже конюхи, обслуживающие Шепелевский конный завод и манеж. Для купания породистых лошадей и был создан небольшой Межонский пруд. Для этого перегородили речку Вежонку небольшой плотинкой с вешняком.

ПАВИЛЬОН. Сегодня так называются железнодорожная станция и местность, примыкающая к Запасному пруду. Значение и смысл топонима «Павильон» полностью раскрыт П. П. Свиныным в книге «Заводы И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву и его детям»:

«...за Выксунским прудом не далее версты от дома («большого». — Л. Ш.) есть прекрасная роща, от которой к Запасному пруду идет большой гладкий луг. На нем построен Павильон и самый луг украшен качелями, статуями и внизу на берегу пруда батарея с 6 полуфунтовыми пушками (для салюта. — Л. Ш.). Выше павильона подле самой рощи находится большая в китайском вкусе беседка о двух этажах и в сторону от нее летний домик, в котором можно жить, тем более что в стороне рощи есть кухня, ферма и огород со всем нужным для стола и десерта. Все сии беседки украшены цветниками».

Из приведенного описания становится ясно, что местность носит название «Павильон» в память о стоявшей здесь в старину небольшой летней, крытой постройке, носившей французское название «Павильон» (что значит — шатер). Здесь жители Выксы отмечали летние праздники и

особенно народный праздник в день Троицы. Вот как описывает его А. Ф. Зыкин:

«Все собирались в рошу на берегу Запасного пруда в местность под названием «Павильон», где забавлялись разными играми, пели песни, плясали, водили хороводы и доставали призы с высоких и гладко выструганных столбов, на которые были повешены: фуражки, шляпы, кушаки, сапоги, рубашки, шаровары и замшевые рукавицы. Ловкачи долазили до вещей и забирали их, а кто не долезал и моментально спускался на землю, того встречали громким хохотом и разными остротами. На народный праздник приезжал сам барин со своими гостями, любовались весельем народа и катались на лодках под звуки музыки и песен, после чего возвращались на берег в поставленный для них шатер с разными угощениями и шампанским вином».

В период развертывания революционной борьбы рабочего класса Выксунских заводов с царизмом с 1902 по 1917 г., район «Павильона» служил излюбленным местом проведения маевек, революционных собраний и сходок.

СКОТНЫЙ. Таким топонимом обозначают выксунцы юго-восточный район г. Выксы, расположенный за Верхневыксунским прудом. Сегодня этот топоним непонятен, но если мы вскроем исторические корни его происхождения, то все станет на свое место. Краевед А. Ф. Зыкин в упоминавшихся уже записках пишет о предыстории возникновения топонима «Скотный» так:

Вид на Скотный

«В одной версте от господского дома, за прудом против него расположен выселок «Скотный двор». Название этого выселка прямо обозначает назначение этого выселка, но главное, там были поселены егеря со многими сворами охотничьих собак разных пород: легавых, гончих, борзых.

В зимнее время несколько раз совершались в присутствии помещика, его гостей и простого народа травли диких зверей: волков, зайцев, лисиц, медведей и пр.

В случае позорной оплошности собака зверь убежал в окружающий пруд лес, за это полагалось положенное наказание, но не собак, а приставленного к ним егеря».

Таким образом, топоним «Скотный» ведет свое происхождение от существовавшего здесь когда-то барского «Скотного двора». Животноводческие помещения и псарни постепенно обстраивались кругом жилыми домами, в которых проживали скотники, доярки, пастухи, егеря.

СТАРАЯ КОЛОНИЯ. Так по привычке называют выксунцы небольшую группу двухэтажных деревянных, окрашенных когда-то охрой, домов на западной окраине города. Название «Колония» точно отражает происхождение его бывших жителей. Слово колония толкуется В. Далем как поселок выходцев, поселение иноземцев, переселенцев из другой земли.

Откуда же здесь, на исконно русской земле, появились иноземцы? В 1889 г. было окончательно оформлено акционерное общество «Товарищество Выксунских горных заводов». Его главой и основным держателем акций стал баварский подданный А. И. Лессинг. И совершенно естественно, что он захотел опереться в руководстве и организации производства на Выксунских заводах на своих соотечественников. По его приглашению из далекой Германии прибыли многочисленные немцы вместе с чадом и домочадцами. Они заняли все руководящие посты на заводах: начальников цехов, мастеров, заведующих рудниками, лесами, главных специалистов и т. д. Один только механический цех остался под русским управлением, а в остальных везде господствовали немцы. Не желая смешиваться с русскими, они поселились в отдельном, специально построенном поселке, которому местные жители и дали название «Колония».

Война между Германией и Россией застала этих специалистов врасплох, так как они приезжали в Выксу с твердым намерением прожить здесь долго и уехать в Германию не иначе как с туго набитым кошельком. В 1915 году все германские подданные были выселены из Выксы в дальние губернии, а название поселка «Колония» и позже «Старая колония» так и осталось.

ФАБРИКА. Это «мертвый» сегодня топоним. Так раньше называлась местность между «Скотным» и «Голявкой». Здесь ближе к плотине Верхне-Выксунского пруда работала в прошлом суконная фабрика. У П. П. Свиньина в книге «Заводы И. Р. Баташева и т. д...» о ней говорится следующее:

«...в 1818 г. заведено делание суконных машин; для расшивания шерсти, чесания и переработки ее в вату, переделки ее из ваты в локоны удобные прядению, наконец, для прядения основы и утка суконных. А в 1819 г. построена и суконная фабрика для показания публике суконных машин в самом действии... Все сии строения поставлены на возвышении прямо противу господского дома, а за ними рощи и лесок, что делает очень хороший вид».

Нужда в топониме «Фабрика» постепенно отпала в результате мысленного расширения районов, охватываемых топонимами «Скотный» и «Голявка». Название местности «Фабрика» перестало обозначать какой-то жилой район, и топоним вышел из употребления.

Итак, мы познакомились с главными топонимами г. Выксы и убедились, что каждое название, отложившееся и закрепившееся в народной памяти, несет на себе неизгладимую печать времени и тесно связано с историей становления города. Возможно, не все согласятся с толкованием происхождения и смысла отдельных топонимов, допущенным автором. Будем очень признательны всем, кто захочет внести дополнения и поправки.

Но городские топонимы – это только небольшая частичка того огромного количества названий, которые рассеяны по всему району. Всем хорошо известны такие разные топонимы, как Лысая гора, озера Колодливо и Витерево, речки Железница, Суводь, Верея, Трасля, Рожнов и Шаркин Бор и т. д. т. п.

Многие названия, к сожалению, исчезают из народной памяти. Об этой общей тенденции с глубоким сожалением пишет языковед Л. В. Успенский в книге «Загадки топонимики». В одной только Московской области из двух тысяч рек тысяча триста не имеют названий.

«Только имена рек! И только в одной Московской области! А названия местных рощ, моховых болот и болотцев, распахек и запущенных нив, дорожных растений и заброшенных карьеров, глухих озерков и росистых полей в дремучей чаще? Их-то уже десятки тысяч, никем не взятых «на карандаш», не записанных, не раскопанных».

А ведь, несомненно, названия были, но позабылись со временем. Огромное количество малоупотребительных и полузабытых топонимов ждут внимания к себе и записи у нас в районе. Сохранить их — значит сохранить в памяти потомков неписаную, но живую историю освоения района, запечатленную в метких народных названиях.

«Все топонимы до единого памятники», — утверждает убедительно и доказательно Л. В. Успенский. А памятники, как известно, надо уважать, беречь и сохранять. Поэтому наряду с сохранением материальных памятников прошлого надо зафиксировать и сохранить для потомков и невидимые памятники народной истории. Мы обращаемся ко всем старожилам, учителям, школьникам: записывайте местные названия — топонимы, в них живет прошлое народа, его бессмертная душа.

СВИДЕТЕЛИ БЫЛОГО

В Выксе много памятников истории, культуры и памятных мест, связанных со становлением Выксы как города, а также и как одного из центров революционного движения рабочих на Приокских горных заводах.

Несомненно, что основным и наиболее ценным комплексом памятников являются архитектурные сооружения и парк бывшей усадьбы основателей города и заводов братьев Баташевых, созданные в последней четверти XVIII века.

Усадьба в те годы выглядела солидным поселением. Так, согласно описи, сделанной вотчинным управлением заводами в 1865 году, на ее территории находилось свыше двадцати одно- и двухэтажных зданий. При этом половина из них была построена из кирпича, дефицитного в то время стройматериала. Как бы продолжением усадьбы служил и примыкающий к ней Верхне-Выксунский завод, на территории которого были воздвигнуты тоже десятки различных производственных сооружений, заводских механизмов и других объектов.

Усадьба со службами, парк с театром, зверинцем и оранжереями, завод с многочисленными производственными помещениями и Верхне-Выксунским прудом и здание стоящее на холме господской «Большой» церкви, в совокупности и составляли то горнозаводское баташевское гнездо, которое и получило название – Выкса.

Рабочие же слободы, располагавшиеся в некотором отдалении от усадьбы, назывались обычно по названиям

близлежащих заводов. Слобода Среднего, слобода Нижнего завода. От этого времени и осталось в языке выражение: «Пойти на Выксу», означающее еще и сегодня для многих выксунцев-старожилов пойти в ее старый центр, заключенный условно в границах баташевской усадьбы XVIII столетия.

Определяющим, смысловым центром всего усадебного ансамбля служит Большой дом с примыкающими к нему флигелями. Продолжением его служит здание бывшей главной конторы с амбарами или магазинами, как их раньше называли, и конный двор со зданием рунтов.

Особенно впечатляюще красиво весь усадебный комплекс выглядит вместе с живописным Верхним прудом со стороны скотного. Прекрасно гармонирует своим удлиненным силуэтом и высокой колокольней с усадьбой и парком «Большая» церковь. И даже построенный в 30-е годы Дворец культуры им. Лепсе не вносит диссонанса в этот ансамбль.

Каждое время года накладывает на эту чарующую картину свои краски, и трудно сказать, какое время года ей больше всего к лицу: весна, лето, осень или зима. Ансамблевая особенность сохранившихся памятников прошлого г. Выксы особо подчеркивалась еще в 1980 году на государственной комиссии при отборе памятников культуры, подлежащих охране. Тогда член-корреспондент Академии художеств СССР Л. М. Лаптев дал им высокую оценку:

«Памятники Выксы – громадная ценность, созданная трудом крепостных заводчика Баташева. Двухсотлетний парк, живописнейшие берега прудов, стоящая на высоком холме, окруженная с трех сторон водой бывшая церковь – все это представляет собой ансамбль исключительной красоты, пожалуй, равный ансамблю церкви Покрова на реке Нерль близ Владимира».

Дом мастерового

Неизгладимая печать времени лежит на всем облике Выксы. Сегодня она находится на пороге коренной реконструкции ее ста-

рых деревянных районов, но воплощая в жизнь новые архитектурные и градостроительные принципы, нашим архитекторам и строителям надо постоянно помнить о редком ансамблевом своеобразии старого центра города и не нарушать его непродуманными и неуместными постройками и необоснованными сносами.

Заводская контора

На сегодняшний день в г. Выксе зарегистрированы и охраняются следующие памятники XVIII века:

а) архитектурные «Большой» дом, «Большая», или Рождественская, церковь, здание бывшей главной конторы с амбарами, конный двор и здание рунтов, аптека, мастерские Верхнего завода;

б) ландшафтные: липовый парк, гидротехническая и гидроэнергетическая системы прудов.

Время изменило внешний и внутренний вид многих памятников, поэтому интересно знать, как же они выглядели раньше, в период создания и в первые десятилетия своего существования. Немногочисленные сохранившиеся мемуарные и документальные источники и описания, относящиеся к разным годам, в какой-то мере позволяют нам разглядеть утраченные черты свидетелей былого.

«БОЛЬШОЙ» ДОМ

Такое название бывшего жилища заводчиков Баташевых возникло у выксунцев не случайно, так как его масштабы слишком уж были несоизмеримы с трехкоконными, в большинстве однокомнатными, хибарками мастеровых старой Выксы.

По описи 1865 года в нем насчитывалось 38 комнат, 140 окон и 6 каминов. Естественно, что многокомнатные чертоги представлялись всем настоящим лабиринтом.

«Большой» дом, типичный образец гражданской архитекту-

«Большой» дом

ры XVIII в., простой по внешним формам и удобный по внутренней планировке. Про подобные помещичьи постройки А. С. Пушкин говорил в «Евгении Онегине»:

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.

Полагают, что архитектором его был крепостной зодчий Кисельников. Время строительства — 70-е годы XVIII века. В дальнейшем дом подвергался неоднократным перестройкам и переделкам. Был надстроен третий этаж, так как первоначально дом был двухэтажным. Позже, в 40-х годах XIX века, по свидетельству капельмейстера П. Я. Афанасьева, И. Д. Шепелев «...пристроил к нему обширный каменный флигель. Внутренность этого помещения была крайне оригинальна: окна из разноцветных стекол, вследствие чего в комнатах царил таинственный полусвет: вся мебель в восточном вкусе — полное отсутствие стульев, а только турецкие диваны, покрытые коврами: в некоторых комнатах устроены были потайные лестницы в нижний этаж». Флигель служил местом интимных встреч помещика И. Д. Шепелева

Работы по реставрации «Большого дома», 2007 г.

с молодыми актрисами крепостного театра. Зная об этом, выксунцы дали ему меткое название «гарем».

Каждый из трех этажей «Большого» дома использовался по-своему. Самый верхний, третий этаж особняка занимал сам бари. Здесь располагались его канцелярия и личные апартаменты. Отсюда исходили приказы и распоряжения, определявшие всю нелегкую жизнь крепостных крестьян и мастеровых, неустанно трудившихся на заводах, рудниках, куренях.

На втором этаже располагались все парадные комнаты, предназначавшиеся для приемов гостей, отдыха и празднеств.

В их числе были три гостиные, китайская комната (по моде того времени), картинная галерея или итальянская комната со стенами, увешанными дорогими картинами в резных золоченых рамах. Большинство живописных полотен принадлежало кисти иностранных художников. Здесь же висели портреты представителей двух сонаследующих друг другу родов Баташевых — Шепелевых.

На втором этаже была и большая столовая, так как за стол вместе с гостями садилось порой до 50 человек и более. Главной достопримечательностью этажа была обширная, во всю ширину здания, парадная зала. Здесь несколько раз в году устраивались балы, маскарады, танцы. Отделка зала была самая роскошная. На видном месте, как писал Е. А. Салиас, «...висел огромный портрет, целая картина, изображавшая первого императора, особенно чтимого обоими братьями. Портрет этот кисти иностранного художника прибыл на корабле из Голландии и обошелся крайне дорого. В этом же зале большие английские часы играли целый концерт в полдень».

Простенки между окнами с обеих сторон зала были заполнены зеркалами, отражения в которых зрительно как бы расширяли его размеры. Узорчатый паркетный пол, лепной потолок, великолепные хрустальные люстры дополняли убранство зала и создавали торжественную, праздничную атмосферу. Разгоряченные танцами гости могли прохладиться, выйдя на балкон. Выходы на два главных балкона были расположены в середине зала напротив друг друга. С просторных, на мощных кирпичных колоннах балконов, устав-

ленных тропическими деревьями и цветами, можно было полюбоваться парком с его цветниками или заводом с его постоянно чадящими домами и прудом.

Нижний этаж и флигель с проездной аркой были заселены приживальщиками, родственниками и гостями, которых на Выксе всегда хватало.

В доме, кроме роскошной обстановки: разнообразной по стилю мебели, бронзовых и мраморных бюстов и статуй, изящных канделябров, серебра, фарфора, хрусталя, ковров, была еще, по воспоминаниям И. Я. Афанасьева, «великолепная библиотека, в которой можно было найти все, что угодно». В этой библиотеке, как пишет автор, он познакомился с Шиллером, Гете, Вальтер Скоттом, Шекспиром, Байроном, Вольтером, Эженом Сю, Гюго, Диккенсом и многими другими писателям, оставшимися до тех пор ему неизвестными.

Но все это дворцовое великолепие «Большого» дома, нажитое эксплуатацией более чем шестнадцатитысячной армии крепостных, потускнело и сникло уже в 1845–1846 гг., когда из-за финансовых трудностей над заводами была учреждена опека.

КОННЫЙ ДВОР

От бывшего обширного конного двора сохранилась только небольшая часть. Помещение конного двора с заложёнными кирпичом воротами используется для магазина общества охотников и рыболовов. Сохранилось также основание пожарной башни-каланчи. Здесь размещается служба ГАИ г. Быксы. В старое время это помещение занимала заводская полиция – рунты. Как ни странно, но русские полицейские носили немецкое название. В переводе оно означает – патруль, донор. По-видимому, полицией когда-то командовали лица немецкого происхождения. До сих пор старожилы Выксы называют заводскую охрану рунтами. Рунты по совместительству были и пожарными. Вода в бочках, специальные лошади, телеги, багры – все это постоянно было наготове.

В помещении рунтов производились экзекуции над провинившимся мастерами и крепостными. Служащих наказывали, посылая на работу в лес или на рудники.

АПТЕКА

Здание первой выксунской аптеки расположено за «Большой» церковью. Она была построена в конце XVIII века. П. П. Свињин так описывает ее:

«Аптека помещается на 10 сажень (21 м) в каменном двухэтажном корпусе и снабжается полным запасом медикаментов.

Рядом с аптекой располагалась больница. Она состояла из двух деревянных двухэтажных корпусов и дома штаб-лекаря. Один корпус предназначался для больных мужчин, другой — для женщин. Всего в больнице было 48 коек. Часть необходимых для аптеки лекарств, а именно лекарственные растения, выращивались и собирались тут же в примыкающем к аптеке обширном ботаническом саду.

Старое здание аптеки сохранилось до наших дней в значительно перестроенном виде. Расширены окна, исчезли детали отделки, перепланирована внутренняя отделка. Но оно по-прежнему служит медицинским целям. Сегодня здесь размещается кожно-венерологический диспансер города.

МАСТЕРСКИЕ

Из многочисленных старых заводских производственных помещений до наших дней дожила только часть здания мастерских Верхне-Выксунского завода. Архитектура его проста. Сохранились детали, характерные для архитектуры XVIII века и своды со связями. О назначении и использовании помещения мастерских сообщает П. П. Свињин, описывая Верхний завод:

«Корпус длиной 81 сажень (170 м) а шириной 24 сажени (11,5 м) заключает в себе разные мастерские, частью для заводских нужд, а частью и для потребностей домашних по местопребыванию здесь заводчика, как то: столярную, модельную, пивоварню, каретную, кастрюльную, лажировальную (для экипажей) и кузницу».

Таковы архитектурные памятники XVIII века города Выксы, представляющие и сегодня довольно редкий в масштабах Нижегородской области ансамбль.

«...СРАБОТАННЫЙ ЕЩЕ РАБАМИ РИМА...»

Прежде чем начать разговор о выксунских трубах, мне хочется сделать небольшой экскурс в историю возникновения и развития трубного производства. В те далекие годы, когда человек каменного века вел кочевой, бродячий образ жизни, долго не засиживаясь на одном месте, перед ним не вставала проблема, где взять воды для приготовления пищи и удовлетворения жажды и т. п. Поистощив местные ресурсы, он отправлялся искать нетронутые, с непуга-

ным зверем и рыбными реками, места... Возникновение первых рабовладельческих государств в Египте, Китае, Индии, связанное с общественным разделением труда, привело к зарождению городов с концентрацией в них больших масс населения. Тогда-то и возникла проблема не только как напоить жителей города живительной влагой, но и как избавиться от бытовых отходов и отходов человеческого метаболизма, то есть обмена веществ.

Так на заре человеческой цивилизации появилась потребность в трубе, прежде всего для целей водоснабжения и канализации. Трубы — это по сути закрытые со всех сторон каналы для течения жидкости, имели ряд ощутимых преимуществ перед обычными открытыми каналами. Их можно было незаметно, скрытно прокладывать в земле, и вода в них не загрязнялась. Однако первые трубы из обожженной глины применялись еще ограниченно только для разводки внутри населенного пункта во избежание загрязнения воды. Кроме того, из-за малого диаметра они имели недостаточную пропускную способность. Поэтому на большие расстояния вода подавалась открытыми каналами, выложенными из тесаного камня или кирпича.

Одно из самых поразительных водопроводных сооружений древности было построено в Пергаме, рабовладельческом эллинистическом государстве, существовавшем в 283-133 гг. до н. э. в северо-западной части Малой Азии (сегодня территория Турции). Город Пергам являлся тогда одним из крупнейших экономических и культурных центров эллинистического мира. Библиотека Пергама занимала второе место в мире после Александрийской.

Ширина улиц Пергама достигала 10 метров. Они были вымощены камнем и снабжены водостоком. Пергамский царь Эвмен II в 180 г. до н. э. повелел соорудить напорный водопровод длиной 3 километра для снабжения столицы водой. Вода в сборный бассейн, расположенный на высоте 200 метров на соседней с Пергамом, тоже двухсотметровой горе Агоис-Георгиос, поступала по трем линиям труб из обожженной глины с Мадарских гор, расположенных на расстоянии 60 километров от Пергама.

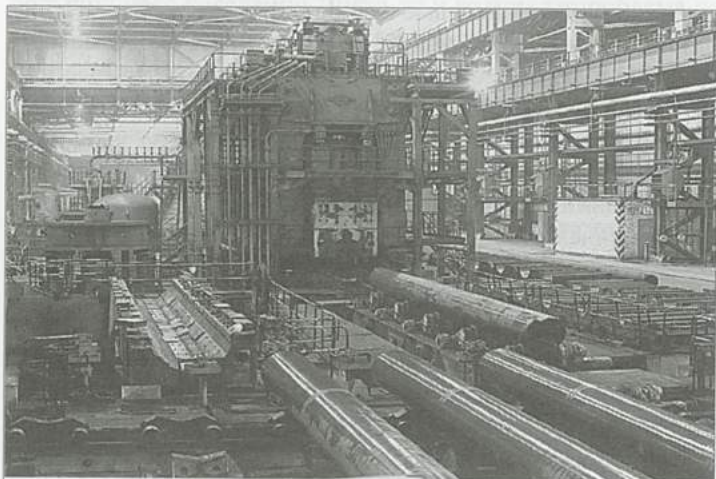
От сборного бассейна водопровод в Пергам должен был опуститься на 200 метров, а затем подняться в столицу на такую же высоту. Таким образом, образовался перепад высот в 200 метров. Давление в водопроводе достигало соответственно 30 атмосфер. Обычные гончарные трубы, применявшиеся тогда для целей водоснабжения, для этого не годились. Тогда впервые в мировой практике строители использовали металлические трубы длиной около метра, изготовленные из бронзы. Между собой трубы собирались в трубопровод посредством просверленных камней (как бы муфт). Пергамский напорный водопровод — единственное в своем роде сооружение, опередившее широкое использование высоконапорных водопроводных систем на два тысячелетия.

Высокого развития достигло водоснабжение у греков. Историк Геродот описывает всасывающий насос ученого Герона, а позднее ученик Герона — Ктезиб (ок. 150 г. до н. э.) изобретает нагнетательный. Подведенная, чаще всего открытым каналом, вода разливалась далее по гончарным или свинцовым трубам к местам потребления: бассейнам, фонтанам, водоразборным чашам. Гончарные трубы для целей водоснабжения использовались также в Китае и Индии. В России нашли себе применение деревянные тру-

бы. Их открывают в наши дни при раскопках древнего русского города Новгорода.

Наибольших высот достигло античное водоснабжение в Древнем Риме. Вечный город снабжали водой 10 линий акведуков, то есть каналов из тесаного камня, проведенных на аркадах на высоте до 30 метров. Общая длина акведуков, построенных еще около 100 г. до н. э., достигала 404 километров с общим поперечным сечением водоканалов более 7,5 квадратного метра, что соответствует диаметру трубы около 3 метров. При императоре Августе они давали около 219 ведер воды в сутки на человека. Всего в Риме насчитывалось 1350 водоразборных бассейнов и 591 художественный фонтан, 15 терм (бань) и 856 общественных купален. Городская водопроводная система изготовлялась из свинцовых труб грушевидного сечения, что объяснялось технологией их изготовления. Тонкий лист свинца сгибался и спаивался в стыке — получалась свинцовая труба. После падения Рима достижения его в области водоснабжения и канализации были прочно забыты.

Известно, что средневековые города не имели ни того, ни другого. Нечистоты текли по открытым уличным канавам. Города поражали своим зловонием. Так продолжалось вплоть до XVII века, когда для целей водоснабжения начи-

ТЭСЦ. Фото С. Суркина

нают применяться литые чугунные трубы. Версальский водопровод, снабжавший водой многочисленные фонтаны знаменитого Версальского парка, построенный в 1678–1684 гг., был первой крупной водопроводной системой в Европе, использовавшей чугунные трубы в большом масштабе. Вначале трубы отливались в горизонтальном положении, что приводило к разнотолщенности стенок, а с 40-х годов XIX в. стали отливать только в вертикальном положении, что увеличило качество и позволило отливать трубы диаметром до 1200 мм с толщиной стенки всего 20 мм.

ПОСТАВЛЕНО ВЫКСУНСКИМИ ЗАВОДАМИ

В России не возникало особых затруднений с водоснабжением. Как правило, небольшие русские города располагались по берегам рек. Кроме того, колодезная вода хорошего качества вырuchала там, где не было речной. Однако рост городского населения приводил к загрязнению рек, и вопрос о снабжении населения чистой водой назревал незаметно и для России. Первым городом, где этот вопрос стал более нетерпимым, стала Москва.

Воды Москвы-реки к концу XVIII века стали совершенно непригодны для питья. Колодцы же поставляли в большинстве жесткую и неприятную на вкус воду. И как писалось в путеводителе «Седая старина Москвы», «на всю Москву были только три колодца с чистою и здоровою водою: Андроньевский, Трехгорный и Преображенский. Но воду из них брать стоило сравнительно дорого, и хорошая вода за хорошим столом так же ценилась, как и хорошая брага».

После известной губительной чумы 1771–1773 годов в Москве правительство вынуждено было принять экстренные меры. По приказанию Екатерины II в 1779–1804 гг. инженером-генералом Ф. Б. Баулером и полковником Геради был построен первый московский водопровод. Вода в Москву поставлялась из ключей, расположенных в окрестностях села Большие Мытищи на расстоянии 18 км от Москвы. Характерно, что вода из сборных мытищинских бассейнов подавалась в Москву не по трубам, которых тогда еще не производили в России, а, как и в Древнем Риме, по открытым

кирпичным каналам типа акведука. Поскольку Мытищи лежали выше Москвы, то вода текла самотеком без напора.

Собственно, и Европа в это время еще не знала напорного водоснабжения по трубам, которое появилось только в 60-х годах XIX столетия. В Москве мытищинская вода собиралась в водохранилище под ротондой на Трубной площади, откуда затем развозилась потребителям конными водовозами. В течение суток в Москву подавалось 330 000 ведер отличной по чистоте и вкусовым качествам мытищинской воды. Постройка водопровода стоила казне 2 000 000 рублей ассигнациями. Сумма по тем временам почти астрономическая.

Появление отечественных паровых машин в первой половине XIX века, которые можно было использовать в качестве привода к нагнетательным и всасывающим водяным насосам, приблизило создание настоящих напорных водопроводов.

Первым шагом на этом пути было создание резервного резервуара с установкой его на Сухаревской башне в Москве. Проектировал его в 1829 году инженер Яниш. Выксунские заводы изготовили этот резервуар, или водохранилище, как его называли в те годы. Он был отлит из отдельных чугунных плит, которые на месте собирались в резервуар. Между собой плиты стягивались болтами. Резервуар вмещал 7000 ведер воды и обошелся казне в 13 499 рублей.

Создание металлического резервуара подобного объема не имело ранее прецедента в России и было выполнено Выксунскими заводами впервые. Мытищинская вода из разборного бассейна в Сухаревский резервуар закачивалась по чугунным трубам насосом с паровым приводом. Паровую машину, насос и чугунные трубы также поставили Выксунские заводы. Это был первый, еще небольшой протяженности, напорный водопровод Москвы. Таким образом, как мы видим, уже в 1829 г. на Выксунских заводах умели отливать водопроводные трубы.

В конце 30-х годов XIX века московской Думой было принято решение провести водопровод и сделать канализацию в Московском воспитательном доме.

Воспитательный дом для детей-сирот представлял собой огромное здание и вмещал несколько тысяч детишек.

Надо ли говорить, что обеспечение их водой без водопровода представляло большие трудности. Заказы на паровые машины, котлы, трубы и другое оборудование для водопровода и канализации Воспитательного дома были размещены на Выксунских заводах. Строительство водопровода было закончено в 1811 году.

Оборудование, изготовленное Выксунскими заводами, состояло из двух паровых машин с двумя котлами и четырьмя насосами. Каждая паровая машина обслуживала два насоса. Насосы обеспечивали подачу воды в количестве 266 литров в минуту в специальный резервуар, установленный на чердаке здания на высоте 28 метров. Одновременно работали одна машина, один паровой котел и два насоса. Один насос качал питьевую воду, поскольку воды в мытищинском водопроводе хватало только для питья, а другой насос забирал из Москвы-реки воду для санитарных нужд и нагнетал ее по специально устроенному водопроводу в Воспитательный дом. Внутри дома была сделана водопроводная и канализационная разводка. Так впервые в Москве была построена домовая водопроводная и канализационная система с использованием чугунных труб, насосов и паровых машин.

В середине 50-х годов XIX столетия был построен с помощью Выксунских заводов Нижегородский водопровод с двумя паровыми машинами, поднимавшими воду из Волги в гору на высоту около 150 метров.

ХОТЬ И СЕБЕ В УБИТОК

В 1853 году москвичи опять остались без воды после обвала кирпичной галереи акведука первого мытищинского водопровода. За 50 лет эксплуатации он пришел в полную негодность. Москва вновь лишилась вкусной и здоровой воды. Бароном А. И. Дельвигом срочно был составлен проект реконструкции рухнувшего водопровода и начаты работы. Они велись с 1853 по 1858 год. Трубы, насосы, паровые машины и другое оборудование для второго мытищинского водопровода поставили Выксунские заводы.

По проекту А. И. Дельвига вся кирпичная галерея, пришедшая в ветхость, была заменена чугунными труба-

Фонтан на Театральной
площади.
Скульптор И. П. Витали.
Чугун. Литье Выксунских
заводов. 1835 г.

ми. За счет опускания водопровода ниже старой галереи и возникновения небольшого напора производительность мытищинского водопровода возросла с 330 000 до 550 000 ведер воды в сутки. В с. Мытищи было построено водоподъемное здание с двумя паровыми машинами, которые, приводя в движение насосы, качали воду в сборный резервуар. От резервуара вода шла по чугунным трубам диаметром 20 дюймов в Москву. В Москве этот водопровод раздваивался на две нитки труб диаметром в 16 дюймов. Одна нитка водопровода шла для наполнения старого резервуара 1829 года, установленного на Сухаревской башне, а вторая подавала воду тоже в Сухаревскую башню, но уже в новоизготовленный, меньших размеров, второй резервуар. Общая длина труб нового мытищинского водопровода составила 44 версты. Чугунные трубы, изготовленные Выксунскими заводами, имели толщину стенок полдюйма у 20-дюймовых труб и пять восьмых дюйма — у 16-дюймовых. Оценивая в общем работы по устройству водопровода, автор проекта А. И. Дельвиг на основе своего опыта давал рекомендации к улучшению вновь строящихся водопроводов: «Хотя водопровод вполне удался, но полагаем лучшим давать стенкам труб диаметром более 12 дюймов толщину до $5/8$ дюйма, через что впрочем увеличилось бы количество требуемого на трубы чугуна».

Впрочем, подрядчики (*Выксунский завод. — Л. III*) затруднялись в отливке столь тонких труб большого диаметра, опасаясь, что они не выдержат пробы гидравлическим прессом, и поэтому отливали их несколько тяжелее, но получили плату только за весь чугун, исчисленный в смете, что было для них тем более убыточно, что цена за пуд чугуна труб диаметром в 16 дюймов и менее была 1 руб. 19 коп.

В Москве же нельзя достать труб и небольшого диаметра менее 1 руб. 50 коп. за пуд».

Из рассуждений А. И. Дельвига явствует, что заказ на чугунные трубы, отлитые на Выксунских заводах, не принес, видимо, дивидендов заводам. Хлопот же было предостаточно, особенно с отливкой 16-дюймовых тонкостенных труб, которых раньше ни Выксунские, ни другие отечественные заводы не отливали, а поэтому и пришлось для перестраховки отлить эти трубы чуть толще и понести на этом убытки.

Сложность изготовления таких труб хорошо понимал А. И. Дельвиг. Полемизируя с оппонентами, обвинявшими его в чрезвычайной дороговизне новых работ по второму мытищинскому водопроводу, а они обошлись в 990 000 рублей серебром, он писал: «Относительно дороговизны произведенных работ мы уже говорили выше, как дешево приобретены были вообще чугунные изделия, составляющие наибольшую ценность в произведенных работах, и в особенности труб с внутренним диаметром 16 дюймов. которые приобретались по 1 руб. 19 коп. за пуд, а всякому хоть немного знакомому с этим делом известно, что не только дешевле, но и по этой цене приобретение чугунных труб в особенности при малой толщине их стенок невозможно».

НА ВСЮ ЕВРОПУ

Кстати, высокое качество выксунских чугунных труб барон А. И. Дельвиг отмечал еще в 1845 году, когда он посетил Выксунские заводы с целью переговоров о поставке для нижегородского водопровода паровых машин, чугунных плит и других металлических вещей. В своих воспоминаниях «Полвека русской жизни» он дает высокую оценку выксунским металлу и трубам: «Руда в окрестностях завода отличного качества. Отливавшиеся из нее чугунные вещи были превосходны. Чугунные трубы этого завода выдерживали при одинаковой толщине стенок гораздо большее давление, чем трубы не только иностранных, но и других русских заводов, имеющих также хорошую руду».

До конца XIX века на Выксунских заводах не было массового производства труб. В основном чугунные трубы отливались только при наличии заказа. Постоянно производилось только небольшое количество железных дымогарных труб, которые предназначались для паровых котлов, изготовлявшихся на Сноведском заводе.

Первый, настоящий крупный, с поточным производством трубный цех был пущен в эксплуатацию на Нижне-Выксунском заводе только в 1907 году. Согласно прејскуранту общества горных заводов от 1911 года на нем производилось: железные газовые и водопроводные трубы девяти различных диаметров, от полутора до 5 дюймов, железные трубы для буровых скважин десяти диаметров, от 3 с половиной до 6 дюймов и дымогарные трубы для котлов, сваренные внакладку на давление до 20 атмосфер.

Высокое качество выксунских труб отметила Всемирная выставка 1911 года в Турине (Италия). Как сообщал специальный корреспондент «Известия собрания инженеров путей сообщения», «заводы Выксы выставили материалы такого высокого качества, которого в Европе не знают». Трубы были подвержены прямо сказочным испытаниям (раздача в холодном состоянии доведена в одном случае до 44,9 процента при средних 31 процент. В горячем состоянии из труб наружным диаметром 155 мм приготовлены две вазы. Этому в Турине никто не хотел верить, так как все испытания произведены над трубами, сваренными внакладку, что диаметр верхнего отверстия (вазы. — Л. Ш.) раза в 4 больше диаметра трубы».

Испытания продемонстрировали феноменальную пластичность и мягкость выксунского металла, прославив его, таким образом, на всю Европу. Сварной шов не нарушился при четырехкратном увеличении диаметра трубы.

ПОД СЕНЬЮ ЛИПОВЫХ АЛЛЕЙ

Выксунский городской парк культуры и отдыха — ценный памятник русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века. Созданный трудом крепостных заводчиков Баташевых, он и сегодня представляет собой наиболее примечательную особенность нашего города и вместе с голубым ожерельем выксунских прудов создает его самобытный оригинальный образ, делает Выксу неповторимой, неординарной в ряду многочисленных городов Российской Федерации.

Ныне в парке осталось мало архитектурных примет минувшего, он постарел, поредел, и все-таки и в таком виде еще полон глубокого очарования.

Надо ли говорить о том, какое впечатление производил он на посетителей в пору своего расцвета и наивысшего блеска.

Сохранилось несколько отзывов о Выксунском парке современников этого периода. Так, например, скептически настроенный ко всему Е. Феоктистов в своих воспоминаниях пишет: «Я всегда страстно любил деревню, а Выкса представляла собой нечто среднее между деревней и городом; хорош был в ней только сад при барском доме — старинный, громадный и который в мое время (50-е годы XIX в. — Л. Ш.) содержался еще довольно исправно».

Е. Феоктистову вторит восторженно-взволнованный отзыв экономиста В. П. Безобразова: «К главному дому примыкает громаднейший сад-парк, немой свидетель ро-

мантических приключений всех красавиц своего времени, с грандиозными аллеями, вековыми деревьями и разными искусно придуманными и отчасти таинственными перспективами для иллюминаций и для разных оптических обманов. По сказаниям выксунских жителей, в этом саду по ночам бродят тени бывших обитателей этой пышной резиденции».

Как известно, парки того времени создавались по определенным канонам, стилям и планам. Их творцами были специальные парковые садовники и так называемые садовые архитекторы. Прежде чем коснуться планировки, первоначального вида и особенностей Выксунского парка, небезынтересно вкратце познакомиться с основными стилями, господствовавшими в садово-парковом искусстве XVIII века, — французским и английским.

Французский архитектурный, или регулярный, стиль своим названием и стилевыми особенностями обязан гениальному творению французского садовника Андре Ленотра — Версальскому королевскому парку. Этот парк был настолько ошеломляюще прекрасен и оригинален, что ему стали подражать садовники всех других европейских государств. Именно тогда, в начале XVIII столетия, и были созданы самые прославленные, после Версаля, архитектурные парки Европы: Сан-Суси в Германии, Летний сад и Петергоф в России. Для французского архитектурного

стиля садово-паркового искусства характерно стремление его творцов улучшить, украсить, усовершенствовать природу за счет неистощимо-щедрой фантазии садового архитектора. Природа как бы подчинялась его творческому замыслу, становилась материалом в руках художника, теряла свою самодовлеющую роль.

Прежде всего территория будущего парка подвергалась строгой, четкой геометрической разбивке. Вся планировка была симметричной и изобиловала прямыми аллеями, пересекающимися друг с другом под разными углами. В местах пересечения аллей устанавливались фонтаны, статуи и беседки. Деревья парка обязательно подстригались. При этом кронам, как правило, придавали неестественную форму: шаров, кубов, пирамид, треугольников, трапеций. Кустарники, в свою очередь, тоже выстригались в виде стен с нишами, колонн, ваз. «Создавать такие парки были в состоянии только короли и цари великих государств. Они были слишком дороги и слишком искусственны. Их величественная пышность подавляла не только природу, но и людей», — писал известный советский популяризатор ботанических знаний Н. Верзилин.

В Европе французский стиль в садах и парках уже в середине XVIII века сменяется другим — английским. Английский пейзажный парк сливался с окружающей местностью. Трудно было провести границу между дикорастущим природным лесом или рощей и созданным рукой человека парком. Никакой сухой, прямоугольной, симметричной и геометрической схемы аллей. Вместо них извилистые тропинки и дорожки. Вместо замысловатой фигурной подстрижки деревьев и кустарников только глубоко продуманная обрезка отдельных веток, не лишаящая крону естественного вида. Теперь великое искусство садовника было направлено на вдумчивое отношение к природе, подчеркивание ее естественной, без изысканности, красоты.

Английские пейзажные парки в конце XVIII — начале XIX веков получили повсеместное распространение, так как почти любая роща или лес, расчищенные вырубками и облагороженные опытной рукой садовника, считались пейзажным парком.

Но все-таки побежденный французский стиль не исчез полностью, некоторые его стилевые особенности и элементы оказались впоследствии вкрапленными в господствовавшие в XIX столетии английские сады, что в первую очередь следует нести к столь любимой русскими помещиками центральной прямой, идущей обычно от самого барского дома, липовой аллее. Ставились в парках и статуи и выкапывались строго геометрических форм пруды, ничем не напоминающие озера, и беседки с фонтанами тоже ушли в небытие вместе с французским стилем. К подобным разнотильным паркам и принадлежит Выксунский парк. Он создавался в 70-е годы XVIII века, когда в садово-парковом искусстве всецело господствовал английский стиль, но были еще живы традиции и французского. Своей простотой и безыскусственностью английский стиль не импонировал великосветским вельможам и богатым помещикам, но в то же время создать роскошный, помпезный французский парк было для большинства явно не по карману. Накладно это было и для богатевших заводчиков Баташевых. Поэтому было найдено компромиссное решение. Часть парка, площадью около 8 гектаров, непосредственно примыкавшего к господскому дому, распланировали в чисто французском стиле. Для этого был вырублен лес, выкорчеваны пни, насыпана плодородная земля. На этом месте разбили аллеи, цветники, установили статуи, беседки, фонтаны. Основной породой высаживаемых деревьев была липа, которую стали подстригать. Следы этой стародавней подстрижки можно еще заметить кое-где на старых деревьях. Не забыта была и центральная, пересекающая весь парк, широкая липовая аллея. Вся остальная территория не подверглась строгой планировке. Росший здесь лес окультурили, и он стал английской частью парка. Эту двойственность стилевого оформления Выксунского парка отметил уже П. П. Свиньин в первом описании заводов и усадьбы: «По сторонам большой аллеи идет множество других правильных дорожек, которые составляют между собою площадки, украшенные в одном месте фонтанами, в другом — беседками, храмиками и бивуаками».

То есть описание рисует нам кусочек типично французского регулярного парка. Далее тот же автор отмечает

другую стилевую особенность планировки: «По обеим сторонам правильного сада находятся английские сады, из коих один со многими прудами, в которых плавают плотники, гондолы, водятся лебеди и дикие утки».

Отмеченную разностильность Выксунского парка внимательный посетитель без труда заметит и в наши дни. Хотя уже нет ни беседок, ни фонтанов, ни статуй.

Как типичный памятник русского провинциального садово-паркового искусства парк вместе с барским домом составлял единый ансамбль, так как был скомпонован по широко распространенной тогда схеме, называемой курдонером. Открытая часть парка, примыкавшая к главному зданию, как правило, была самой нарядной. Она называлась партером и украшалась своеобразными цветниками со сложным узором. Партер обычно украшался фонтанами, вазами и мраморными скульптурами. На партере же выставлялись на лето и причудливо подстриженные экзотические южные деревья в кадках. В воспоминаниях одного из современников тех далеких дней сохранилось описание партера Выксунского парка: «Во время представлений в театре сад, при его тогдашнем украшении скульптурными мифологическими фигурами, сделанными много выше нормального человеческого роста, расставленными кругом поляны против господского дома на высоких пьедесталах, с высоко бьющими фонта-

нами, устроенными один в центре сада, против главной аллеи, между цветников, а другой — против главного дома, с различными красивыми беседками и с вековыми громадными деревьями липы, дуба, клена и пихты — был иллюминирован различными фонариками, изображавшими всевозможные сорта фруктовых и овощных плодов, звезд и бабочек».

А старожил Выксы Н. П. Голованов в «Стихотворной истории Выксы» уточняет значение упомянутых «мифологических фигур»:

По бокам круглой поляны
Стояли с четырех сторон
Фигур скульптурных
великаны,
Изображение времен.

Весь парк (в нашем сегодняшнем понимании) общей протяженностью в 1 км делился на две почти равные части: собственно парк и зверинец. Границей между ними служили глубокий котлован и здание театра. «Большая правильная аллея идет на полверсты от дома и оканчивается театром, имеющим против аллей сей полукруглый проезд, который открывает лежащий за ним зверинец, также на полверсты длиною», — писал тот же современник.

Дикая, нетронутая, лесная территория зверинца парком тогда не считалась. Зверинцы были частой принадлежностью русских парков. Так, например, у известного богача графа Н. П. Шереметева в зверинце знаменитого подмосковного Кусковского парка, окружностью более 3 км, было 600 оленей, лоси, дикие козы, серны, а также хищные звери: медведи, волки, лисицы. Парковый зверинец заводчиков Баташевых был скромнее графского зверинца, но тем не менее в окружности он составлял более 1,5 км. Олени, дикие козы и серны водились и в нем. Так, еще в акте раздела горнозаводского хозяйства между братьями Баташевыми от 1783 года отмечено: «...олений в зверинце, что найдется, разделить пополам, в зимнее время и мне, Андрею, в свою часть перегнать, а ево, Ивана, часть оставить в том зверинце».

А. С. ПУШКИН В БАТАШЕВСКОМ ДОМЕ

Просматривая «Русский архив» № 1 за 1887 год, я обратил внимание на воспоминания сына известного русского поэта П. А. Вяземского, Павла Петровича, об А. С. Пушкине.

Ценность этих воспоминаний определялась тем обстоятельством, что отец мемуариста был близким другом А. С. Пушкина и его сын с раннего детства имел возможность общаться с великим русским поэтом.

Каково же было мое удивление, когда неожиданно среди любопытных фактов, относящихся к взаимоотношениям А. С. Пушкина с сыном друга, я обнаружил фразу, которая невольно привлекла мое внимание. Полемизируя с первым биографом А. С. Пушкина П. В. Анненковым, П. П. Вяземский утверждал, что поэт жил в Петербурге в доме Баташева.

«В 1834 году отец мой уехал за границу со всем своим семейством, и Пушкин в том же году осенью переехал в дом Баташева, по Дворцовой набережной у Прачешного моста, в ту квартиру, которую занимали мы.

В материалах Анненкова ошибочно назван дом Балашева отдельно от дома Баташева. В доме Балашева Пушкин никогда не жил, а жил с осени 1834 по осень 1836 года в доме Баташева».

Фамилия заводчиков Баташевых хорошо знакома всем выксунцам. Появилось предположение, не были ли хозяева пушкинской квартиры и основатели приокской металлургии одним лицом. Основанием для такого предположения служил известный мне факт существования в

Петербурге дома, построенного и принадлежавшего Ивану Родионовичу Баташеву.

Известно, что братья Баташевы разделили между собой функции управления горнозаводским хозяйством.

Непосредственно на заводах организовывал непрерывное производство старший брат Андрей Родионович, а обеспечивал сбыт и добывал выгодные правительственные заказы более искусный по письменной части и более искусный в общении с чиновничьей братией младший брат Иван Родионович. Поэтому с этой целью он длительно проживал то в Петербурге, то в Москве. И в новой, и в старой столице ему принадлежали дома-дворцы. Позже при разделе имения в 1783 году эти дома отошли в его полную собственность.

Последние сомнения в истинности сообщения П. П. Вяземского рассеялись, когда спустя некоторое время мне в руки попал фотоальбом, составленный А. М. Гординым, директором Пушкинского музея-заповедника, «Там некогда гулял и я...» 1971 г. издания. Автор альбома в хронологическом порядке кратко описал и проиллюстрировал фотографиями многие памятные места нашего отечества, связанные с именем великого поэта. А. М. Гордин тоже, как и П. П. Вяземский, остановился, но более подробно, на обстоятельствах найма А. С. Пушкиным квартиры в доме Баташева и творчества поэта в этот период: «Когда осенью 1834 года Наталья Николаевна вернулась в Петербург вместе с сестрами Екатериной и Александрой, Пушкин нанял новую квартиру».

Как раз в это время П. А. Вяземский с семьей отправлялся за границу и передал ему свой «этаж» в доме Баташева на Гагаринской набережной. Здесь Пушкин прожил с августа 1834 по май 1836 года, сначала в бельэтаже, где жил Вяземский, затем в третьем этаже, в квартире поменьше и подешевле. Пушкин говорил, что в квартире его интересует только кабинет, все остальное ему безразлично. В доме на Гагаринской набережной кабинет у него был просторный, светлый. Поэт напряженно работал, несмотря ни на что.

«С генваря я очень занят Петром», — писал он в дневнике в начале 1835 года.

Одновременно шла работа над «Египетскими ночами» и «Сценами из рыцарских времен», повестью из времен

пугачевского восстания. В январе 1836 года было получено разрешение на издание журнала. Пушкин дал ему название «Современник».

Итак, предпоследняя квартира А. С. Пушкина в Петербурге была в доме Баташева.

Кто же был этот Баташев?

На запрос, поданный в мемориальный музей-квартиру Пушкина на Мойке, ученый секретарь музея Г. А. Черкасова любезно сообщила: «О хозяине дома, в котором в 1834 году поселился А. С. Пушкин, известно следующее: Сила Андреевич Баташев, отставной гвардии полковник и кавалер, был из рода крупных купцов, владельцев металлических заводов».

Выяснение личности Силы Андреевича Баташева не потребовало много времени. Достаточно было бегло взглянуть на генеалогическое древо баташевского рода — внук Андрея Родионовича Баташева от его старшего сына Андрея Андреевича Большого (так его называли в отличие от другого сына, тоже Андрея Андреевича, но уже Меньшого). Каким образом дом, принадлежавший И. Р. Баташеву, попал к наследникам его брата, сказать пока трудно.

Да это не так уж и важно.

Главное, что дом заводчиков Баташевых, основателей приокской металлургии и Выксунских заводов, вошел в историю русской литературы как место, где жил и творил гениальный русский поэт А. С. Пушкин.

А наша местная история обрела еще одну новую ниточку, связывающую более тесно историю заводов со всей историей русского общества пушкинского периода.

ВЫКСА НА ДНЕ «МОРЯ»

В «Преданиях выксунских горных людей на их народном наречии», записанных когда-то краеведом В. П. Порхачевым, утверждалось, что «Выкса Нижегородской губернии названа от речки Выкоса и от села Выксино Новгородской губернии, где находился Николаевский женский монастырь».

Конечно, всем, кто знаком с историей основания нашего города, ясно, что зависимость его названия от названия какого-то незнакомого и далекого села Выксино выглядит малоубедительной. Но в этой записи интересовал сам факт существования еще одной Выксы на карте нашей Родины. Захотелось узнать подробнее о судьбе тезки Выксы, выяснить родство их названий.

Встал вопрос: где искать эти подробности? Порхачевская запись не давала на этот счет никакой ниточки. К тому же предстояло выяснить достоверность и самой записи. Все-таки ссылка на предания выксунских горных людей достаточно зыбка с точки зрения исторической документальности, Долгое время, несмотря на все старания, ничего нового про новгородскую Выксу найти не удавалось.

Но вот в 1974 году чуть-чуть приоткрылся покров над ее тайной. В журнале «Знание — сила» № 3 в статье профессора Г. Скрынникова «Жизнь и приключения Григория Отрепьева» было вскользь упомянуто как неправдоподобное с точки зрения автора «посещение Отрепьевым царицы Марии Нагой в монастыре на Выксе»,

Так наличие второй Выксы и монастыря в ней подтвердилось. Из истории известно, что в Николаевский монастырь Борис Годунов заключил седьмую и последнюю жену Ивана Грозного Марию Нагую после трагически-таинственной смерти ее сына царевича Дмитрия. Но вот место, где были монастырь и селение Выкса, в статье Г. Скрынникова не уточнялось. Письмо к автору статьи с

просьбой пролить свет на местоположение новгородской Выксы, к сожалению, осталось без ответа. Но по крайней мере теперь стало ясно, что искать надо в литературе, посвященной Смутному периоду в истории России.

В течение ряда лет малозначительные, мимолетные упоминания о второй Выксе были обнаружены еще в некоторых источниках, но вопрос о местоположении по-прежнему оставался открытым. Наконец, недавно в первом томе дореволюционного издания «Русской истории» Н. Костомарова появилось долгожданное указание на уезд. Н. Костомаров писал: «Борис сослал всех Нагих в заключение; царицу Марию постриг насильно под именем Марфы и сослал в монастырь святого Николая на Выксе (в Череповецком уезде)».

Обращаемся в городской музей г. Череповца. Вот что ответила заведующая отделом истории музея Э. П. Тарасова со ссылкой на используемый ею при ответе «Новгородский сборник» 1266 года издания: «Основание прихода (Выксинский Троицкий) не известно. По убиении отрока царевича Дмитрия Ивановича Угличского мать его, супруга царя Иоанна Васильевича Грозного Мария... по повелению Бориса Годунова сослана была в изгнание в пределы Белозерские... в некий св. Николая Чудотворца монастырь... на Выксе, ныне Троицкий Выксинский приход. Монастырь существовал до 1764 года. В 1769 году был упразднен и обращен в приход».

Какова же дальнейшая судьба череповецкой Выксы? На этот вопрос Э. П. Тарасова ответила менее определенно. «Существует ли Выкса сейчас, я не знаю. На карте ее нет. Она, по-видимому, попала в зону затопления Рыбинского водохранилища».

Да, действительно, район предполагаемого нахождения тетки нашей Выксы совпадает с территорией, залитой в сороковых годах огромнейшим Рыбинским водохранилищем. Об отсутствии второй Выксы на карте нашей страны говорят и почтово-адресные справочники. Так череповецкая Выкса раскрыла нам свое инкогнито с тем, чтобы кануть, на этот раз навечно, в волны Рыбинского «моря».

Из другого источника удалось установить идентичность этимологии (происхождения) названия обеих Выкс.

Наша Выкса обязана своим названием двум слившимся лесным речкам (а точнее, ручьям) Большому и Малому Выксу. Череповецкая тоже речка по имени Выкса. В Череповецком уезде было две речки Выксы, впадающие в р. Шексну. Раньше толковалось название Выкса от финского слова Вуокса — поток, течение. Сегодня есть все основания считать более точным другое объяснение названия. На современном марийском языке слово икса означает ручей. В пользу большей точности этого перевода говорит то обстоятельство, что речки Выксы и Выксуны по своей крайней маловодности никак не могут претендовать на то, чтобы именоваться речками. Точнее, их надо называть ручьями. Кстати, мужской род названия наших местных речек Выксун не согласуется со словом речка женского рода, но хорошо соединяется со словом ручей.

И еще. Выкса не единственное марийское название на карте нашего района. Установление топонимического тождества названий лесных ручьев-речушек, разделенных между собой сотнями километров, говорит о племенной идентичности народов, некогда живших на этой обширной территории. Так сохранившиеся в веках топонимы, как пограничные столбы, позволяют историкам определить районы обитания древних дославянских народов, живших в междуречье рек Оки и Волги.

Все вышесказанное еще раз подтверждает уже ранее высказанную мысль о важности сбора и сохранения каждого местного названия — топонима.

ЗАМОРСКИЕ ПЛОДЫ ПРИОКСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Сегодня мало кому известно, что основатели приокской металлургии братья Баташевы прославились не только как «железных заводов содержатели», но и как владельцы крупнейших в России оранжерейных хозяйств.

Возникает вопрос: почему бывшие оружейники, став металлургами, вдруг воспылали любовью к садоводству? Ответ на этот вопрос надо искать в условиях жизни имущих классов России второй половины XVIII столетия. Екатерининский век, как называли этот период, стал золотым веком русского дворянства, вершиной его могущества и блеска. Согласно Манифесту от 1762 года о вольности, дворяне освобождались от обязательной ранее гражданской и военной службы. Эта «вольность» привела к оседанию их в своих родовых поместьях, расцвету и развитию многочисленных помещичьих усадеб, дворянских гнезд.

Если раньше, в петровские времена, дворянам, занятым на бесконечной военной службе, было не до благоустройства имений, то сейчас, став вольными, они начинают больше заботиться о своем вотчинном комфорте, удобствах, развлечениях и даже прихотях. Среди многочисленных дворовых появляются свои крепостные архитекторы, музыканты, живописцы, садовники, артисты.

Именно в эти годы складывается и усадебный ансамбль в Выксе, в который наряду с жилым домом входили парк, пруды, сады, оранжереи, зверинец и т.п.

Особенно экзотически в условиях суровой русской природы выглядели оранжереи. Мода на них, как и само

название (оранже — от апельсин) пришла из Франции. Оранжереи хотели иметь все помещики, но владели ими только те, кто имел достаточно средств на их постройку и содержание. Вчерашние тульские оружейники, ставшие по богатству вровень с крупнейшими помещиками дворянско-крепостнической России, ни в чем не хотели уступать титулованной знати.

Свои горнозаводские гнезда они строили не только по образцу дворянских усадеб, но и стремились в то же время перещеголять их и роскошью, и размерами строений, а также заведением исключительных по количеству и величине оранжерей. Если уникальный, демидовский ботанический сад в Москве удостоился чести быть описанным академическим пером, то история баташевского оранжерейно-тепличного хозяйства не нашла своего летописца и его историю приходится восстанавливать по немногочисленным отзывам современников, документам и преданиям.

Именно предания донесли до нас весть о том, как редкостные плоды из баташевских оранжерей поставлялись на столы сильных и знатных вельмож, и в первую очередь на стол светлейшего графа Г. А. Потемкина.

Нижегородский писатель и краевед П. И. Мельников-Печерский, хорошо знавший хозяйство Баташевых, в романе «На горах» приводит рассказ старожилов о посылке ананасов светлейшему:

«Однажды Потемкин зимой в Москве проживал. Подошел праздник «Григорий Богослов» (25 января) — его именины, как раз к концу обеда прискакал нарочный с такими плодами, каких ни в Москве, ни в Петербурге никто и не видывал. При них записка Андреевой руки: «Сии ананасы тамо роятся, где дров в избылии, а у меня лесу не занимать, потому и сей дряни довольно».

— Уважил, — на весь стол крикнул Потемкин. — Захотел бы Баташев ремень из спины у меня выкроить — я бы сейчас».

Конечно, заводчикам и предприимчивым дельцам Баташевым нужны были «не ремни из графской спины, а с его помощью получить выгодные правительственные заказы. Баташевское ананасное же изобилие объяснялось не только обилием и дешевизной дров, но главным образом

нищенской оплатой полурабского крепостного труда десятков садовников. Известно, что число дворовых, среди которых числились и садовники, доходило в имении Баташевых до трехсот человек. Кроме того, в летнее время в парке, садах и огородах работали еще подростки и дети, получавшие за свой труд чисто символическую плату. Случай посылки ананасов, описанный Мельниковым-Печерским, не был единичным. По воспоминаниям старожила Гусевского завода В. Гайдукова, фруктовые посылки посылались постоянно в самые отдаленные места, где в это время был граф Потемкин. Они осуществлялись эстафетой. Посылались фрукты и в возках. В этом случае корзины с нежными плодами подвешивались на ремнях.

Первоначально фруктовые эстафеты отправлялись только из выксунских оранжерей, так как до раздела общего горнозаводского имения в 1783 году братья Баташевы совместно проживали на Выксе.

Оранжереи Гусевского имения были построены позднее и своего расцвета достигли к концу XVIII столетия. Подтверждением этому служит акт раздела, согласно которому делились не только заводы, леса, рудники и крепостные, но и выксунские оранжереи, положившие начало гусевским.

«...так мне Андрею, взять из Выксунского саду из оранжерей всякие оранжерейныя деревья и растения в кадках, горшках и в грунте, тако ж и садовыя деревья, кусты, каренья и прочее, что я Андрей пожелаю взять, а к тому и две трети оранжерейных окончив» (т. е. плодов).

Что же представляли собой выксунские оранжереи? Всего было шесть крупных оранжерей. Первая из них, двухэтажная, каменная, длиной около 60 метров, примыкала к господскому дому с правой стороны и имела из него непосредственной вход. В ней в основном произрастали субтропические растения, цветы в грунте и в кадках. Она служила местом прогулки баташевских гостей во время балов. Группа из четырех фруктовых и цветочных оранжерей примыкала к зданию театра, который располагался по оси большой липовой аллеи и отделял сад от зверинца.

Среди них были одна персиковая, абрикосовая, слив и вишни, одна виноградная и две ананасные. Здание ви-

ноградной оранжереи было каменным, остальные — деревянные.

Отдельно на месте сегодняшнего стадиона «Металлург» стояла красивая каменная с ротондой (т. е. с круглой башенкой) оранжерея с южноамериканскими растениями и персиками.

Оранжереи были и в московском имении Ивана Баташева. Об этом мы узнаем из письма приказчика Максима Сокова, который сообщал хозяину, что после московского пожара 1812 года «оранжереи, как верхняя, так и все нижняя сгорели, осталась только одна на Язу».

Придававший всем своим делам грандиозный размах, Андрей Баташев оранжереи на Гусе сделал выдающимися по размерам и обилию редкостных растений.

Посетивший в конце XVIII века Гусевский завод первый исследователь истории горных заводов А. С. Ярцев был восхищен трехэтажной оранжереей длиной около полутора верст, грандиозности и богатству которой, как он пишет, могли позавидовать самые богатые люди Европы.

Упадок и гибель выксунских оранжерей связаны с общим расстройством всего горнозаводского хозяйства при наследниках И. Баташева — Шепелевых.

В 1845 году после бесконечных споров и ссор среди сонаследников опекуном над имением был назначен полковник Сухово-Кобылин, муж племянницы Шепелева.

Новоиспеченный опекун занялся прежде всего упразднением непроизводительных расходов на развлечения, прихоти и имение. В первую очередь это коснулось оранжерей. Был сокращен до крайности штат рабочих и служащих в саду, отстранены от должности проработавшие десятки лет опытные мастера-садовники и штатный специалист-садовник.

Лишенные квалифицированного надзора, тропические растения стали постепенно чахнуть и гибнуть. Первыми погибли ананасные оранжереи, просуществовавшие около сотни лет. Затем дошла очередь и до персиковых и абрикосовых оранжерей. Дольше всех существовали виноградная оранжерея и тропические растения в кадках.

Последний смертельный удар остаткам оранжерейного хозяйства был нанесен отменой крепостного права в 1861 году, когда дешевого крепостного труда не стало.

После смерти последнего совладельца Выксунских заводов Н. Д. Шепелева (1878 год) оранжереи окончательно захирели, и все здания оранжерей в конце XIX века были сломаны. Сегодня об их былом существовании напоминают нам только заросшие котлованы напротив здания летнего кинотеатра да по традиции располагающаяся на старом оранжерейном месте цветочная теплица горкомхоза.

Исчезли оранжереи, но в памяти потомков навсегда останется благоговение и восхищение трудом и мастерством крепостных садовников, умевших выращивать здесь, в Выксе, редкостные заморские плоды.

АРХИТЕКТОР XIX ВЕКА А. М. ГОРНОСТАЕВ

Вряд ли кто из выксунцев знает сегодня, что наш город дал России известного архитектора, профессора архитектуры и академика А. М. Горностаева.

Судьба не была к нему щедрой. Его оригинальные архитектурные труды не были по достоинству оценены большинством современников, а его имя после смерти было быстро забыто. И лишь случайно, спустя более ста лет, прошедших после его смерти, удалось вновь открыть это имя, найти биографические материалы и критическую оценку его творчества.

В том, что имя А. М. Горностаева не пропало бесследно, огромная заслуга авторитетнейшего в вопросах искусства критика В. В. Стасова, который очень высоко ценил творчество Горностаева и оставил нам подробную биографию архитектора. В этой биографии В. Стасов указывал на несправедливость забвения имени Горностаева со стороны как официальной, так и общественной. Он писал:

«Мне все это давно уже кажется великою несправедливостью, и я даже пробовал (например, в своем «25-летию русского искусства») показать истинное значение этого русского, истинно национального художника. Долго ли мои попытки останутся гласом вопиющего в пустыне — не знаю, но все твердо верую, что для Горностаева, как для нескольких других значительнейших русских художников, когда-нибудь настанет верный суд потомства».

Итак, что же сегодня мы знаем об этом человеке, нашем далеком земляке?

Алексей Максимович Горностаев родился 18 февраля 1808 г. в селе Выкса Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Его отец Максим Перфильевич Горностаев был

главноуправляющим Баташевских железных заводов с 1800 по 1809 год. Это был замечательный русский самородок, выходец из крепостных, сумевший приобрести обширные знания и ставший настоящим крепостным интеллигентом. П. И. Свинын в книге «Заводы, бывшие И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву и его детям», с восхищением писал о нем: «Получив воспитание выше своего состояния, он мог читать и свободно объясняться на трех языках. Много переводил с немецкого и французского и некоторые переводы напечатал. Оставил изрядную библиотеку своим детям».

Но он был не только высококультурным человеком своего времени, но и прекрасным инженером, отличным организатором производства, автором оригинальных идей и усовершенствований металлургического производства. Как отвечает по этому поводу Свинын, «он устроил проволочную фабрику, переменял способ углежжения и первый ввел в употребление чугунные цилиндры в катальных вместо железных, до того употреблявшихся».

Именно таким людям, как М. П. Горностаев, Выксунские заводы были обязаны своей славой передовых в техническом отношении металлургических предприятий России того времени.

После смерти отца маленький Горностаев остался на попечение своего старшего брата, Ивана Максимовича Горностаева, который заменил отца на посту главноуправляющего и стал главой рано осиротевшего семейства.

Как и отец, Иван Максимович был богато одарен. Он занимался литературными трудами, писал статьи по горной и заводской части. В журнале «Отечественные записки», издаваемом П. И. Свиныным, он впоследствии напечатал несколько интереснейших статей, показывающих эрудицию и широту взглядов автора: в 1827 г. — «Путешествие Екатерины II в Тавриду» и «Арзамасская академия Ступина», в 1828 г. — «Персидская война и Наваринское сражение 1826—1827 гг.».

Интеллигентность семьи, в которой он родился и рос, один из источников последующей творческой оригинальности А. М. Горностаева как истинно русского национального художника. Другим источником, по мнению В. Стасова, во многом явилось то «национальное настроение и глубокая

симпатия ко всему отечественному, царствовавшая на Баташевских заводах». Все это с «ранней молодости наложило свою печать на понятия и вкусы молодого Алексея Горностаева. Это выказалось у него тотчас же, как только он выступил на свою собственную, самостоятельную жизнь».

Алексей Максимович Горностаев очень рано проявил художественные наклонности и любил рисовать все, что попадалось ему на глаза.

Первым его учителем рисования был Иван Алексеевич Колынин, преподававший рисование в школе Выксунского завода. Свинын отмечал в своей книге отличную роспись Вильской церкви, выполненную этим живописцем. Под руководством опытного художника Алексей Горностаев стал делать заметные успехи.

Но недолго длилась для него пора ученичества. Уже в 1823 году пятнадцатилетний Горностаев поступает на службу в Ардатовское правление питейного сбора копиистом. Прекрасный почерк обеспечил ему быстрое продвижение по службе. Но судьба его, к счастью, сложилась так, что талант его не зачах в уездных захолустных городах Ардадове и Арзамасе за канцелярским столом среди бесчисленных бумаг.

В 1826 г. его брат Иван Максимович, получив вольную, оставил службу на Баташевских заводах и со всем семейством переехал в Петербург. Здесь А. М. Горностаев прослужил около двух лет в Департаменте разных податей и сборов. На этом и закончилась его чиновничья карьера.

В Петербурге он близко сходитя с Павлом Петровичем Свиныным, который еще по Выксе хорошо знал семейство Горностаевых, и становится художественным сотрудником журнала «Отечественные записки». Видя у него способности к рисованию, Свинын взял его с собой в 1826 г. в путешествие по России помощником. Подобные же путешествия продолжались и в последующие 1827 и 1828 годы.

Посещение различных городов, обозрение многих замечательных памятников русского зодчества, многочисленных монастырских построек и особенно древней архитектуры Севера было для Горностаева истинной школой национального искусства. Он сделал сотни рисунков и эскизов как с храмов и памятников, так и с различных древнерусских предметов:

чаш, братин, кубков, ковшей, оружия и т. д. Убедившись в успехах Алексея в рисовании, старший брат Иван отправил его в Москву учиться рисованию и черчению к архитектору Джиларди. Затем он был вызван в Царское Село и по ходатайству другого брата, Василия Максимовича, стал работать помощником архитектора А. П. Брюллова. А. П. Брюллов, брат знаменитого художника, и К. Тон были самыми знаменитыми профессорами Академии художеств. Попасть к ним в ученики считалось большим счастьем. Горностаев быстро сделался одним из выдающихся сотрудников Брюллова.

В 1834 году он вышел в отставку и уехал в Италию изучать памятники римской, древнехристианской и византийской архитектуры.

После возвращения из-за границы А. М. Горностаев за акварельные виды замечательных церквей, памятников византийско-арабского зодчества и проект реставрации храма Юпитера в Помпее был удостоен в 1838 г. звания академика.

В 1843 году он поступил на службу в Министерство внутренних дел архитектором. На этой должности он и проработал до конца своей жизни. Его многочисленные постройки этого периода не отличаются оригинальностью творческого замысла и во многом подражательны. Горностаев еще не нашел своего подлинного стиля, который появляется позже, в конце 50-х годов, в его проектах культовых построек Валаамского монастыря на о. Валаам и Троице-Сергиевской пустыни под Петербургом. В проектах церквей и монастырских помещений Горностаев отошел от канонов, высочайше утвержденных и господствовавших в это время в церковном строительстве, руководимом известным архитектором К. Тоном, и первый смело создал свои проекты в противовес официально признанным, в стиле настоящей русской архитектуры давно забытой в России после времени царствования Петра I, усиленно внедрявшего все западное в русскую жизнь и русское искусство. В возрождении настоящей русской архитектуры А. М. Горностаев выступил, как подчеркивает В. В. Стасов, таким же начинателем, каким был Федотов в живописи.

В качестве примера поздних построек зрелого Горностаева можно привести усыпальницу князя Д. Пожарского в Спасо-Евфимиевском монастыре г. Суздаля. Ее и сейчас

может видеть каждый турист, посетивший этот город-музей. И православный собор, построенный в столице Финляндии — Хельсинки, служащий до сих пор украшением города. Это последнее творение Горностаева заканчивали его ученики, т. к. в 1862 году Алексей Максимович скончался.

Его посмертный формуляр гласил, что к концу жизни он был коллежским советником, профессором архитектуры, преподавателем перспективы, начертательной геометрии и теории теней в Академии художеств и архитектором Министерства внутренних дел.

То обстоятельство, что лучшие творения Горностаева были созданы в церковной архитектуре, послужило тому, что этот замечательный крепостной архитектор оставался в забвении и после Октябрьской революции и до сих пор еще нет окончательного и верного «суда потомства», о котором мечтал В. В. Стасов. Хотя надо сказать, что скромные биографические сведения о нем были помещены в книге профессора С. В. Бессонова «Крепостные архитекторы», изданной в 1938 г. небольшим тиражом. Сегодня имя «настоящего возродителя русской архитектуры» хочется возродить и в памяти выксунцев, которые живут на той же земле, на которой жили его предки, где он родился, жил до совершеннолетия и сделал первые шаги в своем творчестве.

Хочется еще подчеркнуть, что талантливая семья Горностаевых дала России не только уже упомянутого архитектора А. М. Горностаева, но и другого, также известного архитектора,

Успенский собор в Хельсинки

сына Ивана Максимовича Горностаева — Ивана Ивановича, который родился тоже в Выксе в 1821 г. и еще младенцем был перевезен отцом в Петербург, где и получил образование.

Хочется верить, что фамилия замечательной семьи Горностаевых, русских крепостных-самородков, уроженцев Выксы, будет увековечена в названии одной из улиц нашего города. Они это заслужили.

МЫЗА

Такое название носит архитектурный памятник конца XVIII – начала XIX веков, построенный владельцем и основателем Выксунских заводов Иваном Романовичем Баташевым. Мыза расположена на правом высоком берегу Оки рядом с пристанью Досчатое, или, как ее называли встарь, пристанью попа Сороки. Свое современное название «Мыза» это двухэтажное здание получило уже в наши дни.

В прошлом веке оно не имело никакого специального наименования. Журналист и издатель журнала «Отечественные записки» Павел Петрович Свиньин, посетивший Выксу в 1823 году, упоминает это здание в книге «Заводы, бывшие И. Р. Баташева, а ныне принадлежащие генерал-лейтенанту Д. Д. Шепелеву и его детям»: «Каменный прибрежный домик в два этажа с бельведером, готической архитектуры, стоит над самою рекою Окою».

Кроме более распространенного названия «Мыза», это здание именуют иногда еще «Охотничьим домиком», но мы полагаем, что данное название никак не отражает действительного назначения здания, если сводить его только к ограниченной функции комфортного охотничьего бивуака. Такое название не только узко, но и неправильно исторически, поскольку мыза представляет собой не временную легкую постройку-домик, а основательное, кирпичное архитектурное сооружение дворцового типа. По сути – это типичная загородная усадьба; а такой отдельный загородный дом с хозяйством и называется согласно «Словарию живого

великорусского языка» В. И. Даля мызой. Слово это финское, и в пушкинские времена оно употреблялось только в смежных с Финляндией губерниях: прибалтийских и Петербургской. В наши дни это слово приобрело более широкое территориальное распространение.

Для чего понадобилось владельцу Выксунских заводов, имеющему уже обширную усадьбу с домом, парком и оранжереями, создавать как бы филиал этой усадьбы в 10 километрах от Выксы?

В первую очередь необходимость строительства здесь не временного, а постоянного, солидного здания диктовалась хозяйственными соображениями. Пристань Досчатое была важнейшим перевалочным пунктом, базой, где скапливалась основная масса металлических изделий, почти всех Выксунских заводов, за исключением Сноведского и Унженского. В течение зимы все пристанские амбары и складские помещения заполнялись, забивались заводскими товарами. Здесь же, на берегу, складировалась и руда, отправляемая на Гусевский завод.

Массированная весенне-летняя отправка в различные концы империи металлических изделий по Оке и далее по другим водным путям России была непростой операцией. Она требовала тщательной подготовки, организации и хозяйского глаза. И. Р. Баташеву приходилось подолгу задерживаться на Досчатинской пристани. Привычка к комфорту и удобствам «Большого дома», где он проживал

постоянно, да и старческие годы вынудили его организовать свое периодическое пребывание в Досчатом тоже вполне уютно, респектабельно и роскошно.

Создание импозантного архитектурного сооружения на пристани обуславливалось еще и необходимостью производить впечатление на гостей, заказчиков, купцов и различных административных чинов, проезжавших по Оке, которым порой было недосуг добираться по сыпучим пескам до главной баташевской резиденции в Выксе. Время не сохранило нам ни имени автора проекта мызы, ни точного года ее постройки. Да и архитектурный стиль ее тоже озадачивает даже выдавших виды архитекторов, потому что трудно понять, как появилось это модернистское здание в эпоху господства в русской архитектуре классицизма. Безымянный автор архитектурного стиля мызы сумел предвосхитить модернизм как архитектурный стиль почти на сто лет до его широкого распространения.

Для модернизма, господствовавшего в архитектуре в конце XIX — начале XX веков, характерно смешение элементов разных стилей и подражание архитектурным сооружениям разных эпох и народов. Хотя упоминаемый уже П. П. Свинын утверждал, что здание «готической архитектуры», но фактически чисто готическими элементами можно считать только стрельчатые и круглые окна второго этажа. Основной цилиндрический объем здания построен в подражание башням средневековых рыцарских замков. Огромное застекленное арочное окно с входной дверью в вестибюль совершенно типично для модернизма. Бельведер, то есть башенка-беседка на крыше, характерен для зданий, построенных в стиле классицизма.

Таким образом, как мы убеждаемся воочию, мыза — архитектурно-модернистское сооружение, сочетающее в себе элементы разных архитектурных стилей и эпох. Согласно описанию XIX века, «мыза представляет собой замок башенного типа округленного в середине вида и увенчанного на кровле беседкой под белым железом с куполом, тремя окнами и дверью, ведущей на плоскую, обнесенную железной узорчатой решеткой крышу. По бокам же круглого корпуса пристроены два прямоугольных корпуса. А между ними с двумя лестницами вестибюль,

изображающий открытую террасу с такою же железною решеткою узорчатой. Терраса помещается на коридоре, по которому идет вход в нижний этаж каменного замка, а с террасы три двери ведут в помещение верхнего этажа, откуда по лестнице вход на вышку (*бельведер*. — Л. Ш.).

И. Р. Баташев не пожалел средств для роскошной отделки своей приокской резиденции. «Стены внутренних помещений расписаны живописью. Карнизы потолков украшены скульптурным узором. На террасе же четыре картины-сфинксы, изображающие четыре времени года».

На мызе в летние месяцы доживал последние годы своей жизни больной чахоткой единственный сын И. Р. Баташева — артиллерийский офицер в отставке Иван Иванович Баташев.

Здание мызы, простоявшее почти два столетия, сравнительно хорошо сохранилось. Утрачены только бельведер и художественное, узорчатое ограждение плоского верха башни. До постройки Песоченского дома отдыха в мызе располагался Пристанской дом отдыха для инженерно-технических работников Выксунского металлургического завода. Сегодня в здании баташевской мызы размещена Досчатинская больница.

Мыза — ценный архитектурный памятник Выксунского района, одна из главных наших достопримечательностей и объект пристального, любознательного внимания всех проплывающих летом по речным просторам Оки.

СОДЕРЖАНИЕ

Предания старины глубокой	3
Невидимые памятники	9
Свидетели былого	21
«...Сработанный еще рабами Рима...»	28
Под сенью липовых аллей	37
А. С. Пушкин в баташевском доме	43
Выкса на дне «моря»	46
Заморские плоды приокского полесья	49
Архитектор XIX века А. М. Горностаев	54
Мыза	59

Издательство **A4**

603000, Нижний Новгород

ул. Короленко, д. 19^А

Телефон (831) 277-10-99

E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

ОАО «Нижегородский печатник»

603116, Нижний Новгород,

ул. Гордеевская, 7

Телефон (831) 241-02-69

E-mail: oao_np@mail.ru

Подписано в печать 12.12.07

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная

Гарнитура Newton. Печать офсетная

Усл. печ. л. 3,34. Уч.-изд. л. 2,88

Тираж 999 экз. Заказ № 5080

*Общество выксунских краеведов благодарит
главу администрации района Алексея Степановича Соколова
и начальника управления культуры Юрия Владимировича Жулина
за помощь в издании альманаха*

